

**Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН**

**Балтийский
федеральный университет
имени Иммануила Канта**

**Российская
ассоциация
исследователей
женской истории**

Российский национальный комитет
Международной федерации исследователей женской истории

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Материалы XII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

10–13 октября 2019 года, Калининград

В двух частях

Часть 1

Москва
Калининград
2019

УДК 396
ББК 60+63
Ж561

Рецензент

Н. А. Шведова, д-р ист. наук (Институт США и Канады РАН)

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» РАН.

Ж561 Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, И. О. Деметьев, М. Г. Шендерюк. — М. : ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН ; Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 1. — 522 с.

ISBN 978-5-9971-0552-5 (Ч. 1)

ISBN 978-5-9971-0551-8

Публикуются материалы XII международной научной конференции «Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего», проводимой РАИЖИ (Российской ассоциацией исследователей женской истории), Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Балтийским федеральным университетом им. И. Канта в Калининграде. Очередная научная встреча посвящена исследованию гендерных аспектов миграционных процессов в российской и мировой истории, а также гендерному подходу к современным проблемам миграций.

В первой части сборника представлены доклады историков, социологов и других исследователей, анализирующих феномен внутренних миграций в России на разных исторических этапах вплоть до современности, проблемы социокультурной адаптации женщин и мужчин в условиях инокультурного окружения.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-9971-0552-5 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9971-0551-8

© ИЭА РАН, 2019
© БФУ им. И. Канта, 2019

8. *Полевые материалы автора (ПМА) 2007 г., с. Кытманово, Кытмановский район, Алтайский край, записано от Капитолины Никитичны Мачулиной, 1929 г. р.*

9. *Полевые материалы автора (ПМА) 2016 г., г. Барнаул, Алтайский край. Из личного архива Ирины Валентиновны Коричко, руководительницы АКОО «Общество литовской культуры».*

10. *Полевые материалы автора (ПМА) 2016 г., г. Барнаул, Алтайский край, записано от Шеленайте Валентины Каземировны, 1921 г. р.*

Т.К. Щеглова

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул*

**Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация
в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов
(по полевым материалам)**

XX столетие для населения России отличалось насыщенностью событий (революции, войны и др.) и кардинальных перемен (коллективизация, социалистическая модернизация и др.), сопровождавшихся массовыми миграциями и переселениями. В зависимости от характера событий эти миграции делятся на добровольные (из села в город в ходе индустриализации и урбанизации), вынужденные (эвакуации в годы войны, миграции из постсоветских республик в 1990-е гг.), добровольно-принудительные (переселения в ходе ликвидации населенных пунктов при строительстве ГЭС или ликвидации неперспективных сел), насильственно-принудительные (высылки, ссылки, депортации, спецпереселения). Они различаются условиями и способами адаптации.

Женскую акцентуацию принудительных миграций усиливал их семейный характер. Это, с одной стороны, создавало трудности для жизнедеятельности самой женщины, с другой — предполагало создание системы жизнеобеспечения всей семьи. Женскую историю в контексте миграций можно рассматривать с двух позиций — «антропологии советскости» и «антропологии экстремальности». В антропологии советскости на первый план выходят социально-психологические адаптации в процессе реализации проекта социального переустройства советского общества — например, адаптации

сельских женщин при переезде в город. В антропологии экстремальности 1930–1940-х гг. социальная адаптация проходила в агрессивных условиях формирования образов врага («враг народа», «жены изменников родины»), а повседневное поведение женщин при насильственных переселениях определяла жизнесохранительная хозяйственно-бытовая адаптация.

Цель работы — изучение проблем женской адаптации в экстремальных условиях депортаций и эвакуаций в Сибирь с 1939 по 1949 г. с привлечением междисциплинарных методов устной истории, социальной антропологии и этнографии. Основными источниками являются материалы устной истории (интервью) и материалы полевой этнографии (артефакты женской повседневности и духовно-ментальных практик). Принципиально важным в антропологии экстремальности является изучение этой темы на микроуровне, поскольку адаптационные механизмы женского жизнесохранительного поведения при смене места жительства формировались в конкретной природной среде, конкретном этнокультурном пространстве. Конкретно-исторический подход предполагает выявление всех локусов деревни и их сравнение — местные, депортированные, эвакуированные.

Антропология села в 1940-е г. имела женское лицо. Это было связано с тем, что сельское общество «обезмужичило», а пополнялось женщинами и детьми за счет эвакуаций и депортаций, так как репрессированное трудоспособное население отправлялось в трудармию. Это привело, например, к такой адаптационной практике «содержания детей под присмотром под одной крышей»: «захожу в крайнюю хату [депортированных немцев]. Смотрю, вот одного почти возраста дети, дошкольного, человек девять или десять. И одна уже в пожилом возрасте... суетится. Стоит таз целый, наваренный кисель. Я говорю: “Что у вас, детский сад?” Она говорит: “Это забрали в трудармию, родителей, а они мне детей на сохранение поотдавали. Это не все еще — побольше [дети] ходили, собирали колоски... мерзлую картошку собирали на поле. А эти уже дома играли”» (Лапутина Т. К., 1921 г. р., п. Благовещенка). «Мужиков-то не было, а это бабы... Вот одна женщина, так у нее пятеро детей было [депортированные украинцы], она одна с ними была» (Королева В. В., 1931 г. р.).

По мнению местного населения, это было справедливо в условиях военного времени. Как сказала сибирячка Т. К. Лапутина, «их в

трудармию направили, наших — на фронт». Несомненно, исторические события 1940-х гг. поставили все категории сельского населения в условия выживания. Но если сельские сибиряки адаптировались к военному времени в условиях обжитости, депортанты — с кардинальной сменой условий проживания, то для эвакуированных были определенные привилегии. Про эвакуированных из Ленинграда говорили: «Им особый паек был... Нам-то не было никакого пайка. А им-то давали... хлеб и какие-то консервы... Они на службах были... Они не хотели [в колхозе]... Эти с Ленинграда ниче не умели делать. Ну, они учителями работали, кто на почте работала» (Королева В. В., 1931 г. р., с. Красногорское). Эвакуированные женщины с Дальнего Востока жили «почти в каждом доме... У нас семья жила из Владивостока. В основном жены военных были... Они ничего с собой почти не брали... Их так быстро оттуда вывезли. Они получали аттестаты от мужей — у них деньги были, они питались, конечно, лучше. И одеты они были ребятишки хорошо. Мы-то здесь, в деревне, господи!» (Гринева Т. А., 1931 г. р., с. Усть-Чарышская Пристань). Эти локусы объединяла государственная помощь, в отличие от местных колхозников и депортированных.

На Алтай только в сентябре прибыло 115 тыс. человек, в том числе 80454 немцев; расселили в 47 районах. В 1943–1944 гг. расселили 20858 калмыков, также крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, болгар, венгров, румын, финнов. В 1949 г. 16 тыс. армян были расселены по 37 районам Алтая. Региональные полевые материалы показали, что хозяйственно-бытовая и психологическая адаптация сложнее проходила у семей депортированных калмыков, что было связано с их повседневной неприспособленностью к жизни в сибирских условиях в среде земледельческого сельского общества. Как отмечали местные респонденты про женщин-калмычек и их детей: «Они тоже работали, но они очень тяжело переносили этот климат, часто болели, была смертность среди них. У нас в классе человек пять или шесть было... Они, конечно, не похожи по психологическому укладу на нас. Они какие-то более свободолобивые... Овец бы пасти... Они как-то любят степь. Они в степи уходили. Им какая-то нужна была ширь, свобода» (Быкова Р. К., 1941 г. р., Топчихинский район). Калмыкам было трудно пробиться через непонимание поведения и традиций степного кочевого скотоводческого общества со стороны носителей культуры пашенного земледелия. Это отражалось на их восприятии: «Их привезли ... на лошадях. Мы с ребятиш-

ками бегали, смотрели. Ну, они ж по-своему говорили. Как звереныши, выглядывают... Они уж настолько были, как допотопного периода, калмыки эти» (Гринева Т.А., 1931 г.р.). Это привело к обособленности калмыцких семей. Даже при расселении они предпочитали селиться на окраинах села, сооружая землянки. Сформированные районы повсеместно в Сибири называли «Шанхаем».

В отличие от калмыков, хозяйственно-бытовой опыт депортированных немцев-земледельцев стал важнейшим фактором преодоления женщинами формируемого государственной политикой негативного образа: «...мы же по линии НКВД были. Нас контролировали. Мы же немцы были, мы были, как их называют? — Враги народа! — Так нас тогда считали» (Беккер М.Ф., 1938 г.р., Панкрушинский район). В такой атмосфере для немецких женщин на первый план вышла социальная адаптация: «Обзывали нас фашисты... И они (местные) знаете, что нам сказали? Господи, и плач, и смех! В газете тогда про нас пишут и рисуют карикатуры... И когда мы приехали в Савиново, они говорят: “Фу, такие же люди, как мы. А мы думали, как нарисовано в газете — с хвостами”» (Йорк М.Е., 1923 г.р., Зональный район). Способами адаптации, т.е. преодоления негативных стереотипов, стало включение женщин в совместное колхозно-совхозное производство: «Курсы были организованные в Топчихе. Они [депортированные немки] учились. Вот на первом отделении... Кноль, она трактористкой была» (Быкова Р.К., 1941 г.р.). Быстрой адаптации немецких женщин с детьми способствовала хозяйственно-бытовая «одинаковость» с местным населением, обусловленная традициями земледелия, огородничества, в отличие от хозяйственно-культурной «инаковости» калмыцких семей. Более того, после преодоления эмоционально-негативных барьеров начался интенсивный культурно-бытовой взаимообмен. Например, семьи русского населения нанимали немок для саманно-глинобитного строительства и штукатурки в условиях ухудшения жилищных условий и отсутствия мужчин.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-49-220009 р_а «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

<i>Быков А.С.</i> Гендерные аспекты миграции во время Гражданской войны в России: историко-социологический анализ	321
<i>Ларионова М.Б.</i> Гражданская война и судьба провинциальной дворянки: Екатеринбург — Омск — Иркутск — Харбин	324
<i>Сабенникова И.В.</i> Специфика правового положения русских <i>émigrés</i> и вопросы предоставления гражданства в странах межвоенной Европы.....	327
<i>Наземцева Е.Н.</i> Специфика и проблемы правового положения русских женщин в эмиграции в Китае 1920–1930-х годов	331
<i>Овчарова М.А.</i> Положение мордовской женщины при переселении в регионы Западной Сибири в 1920–1930-е годы	334
<i>Абдалиева Г.К.</i> Гендерные аспекты формирования памяти (на примере вынужденной миграции кыргызов в Китай)	337
<i>Рахманкулова А.Х.</i> Насильственное переселение народов в 1930–1940-е годы: особенности социокультурной адаптации женщин переселенцев в Узбекистане	340
<i>Явнова Л.А.</i> Вынужденные «беженки», «депортированные» и местное население Алтая в XX веке: проблема взаимоотношений	343
<i>Щеглова Т.К.</i> Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов (по полевым материалам).....	347
<i>Каримов О.В., Калинов В.В.</i> Разведывательная деятельность Анны Клаузен	351
<i>Болокина Л.А.</i> Адаптация женщин Калининской области, эвакуированных из прифронтовой полосы в 1942 году, к новой повседневности	355
<i>Волкова Е.Ю.</i> Причины вынужденной миграции женщин и детей в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям очевидцев)	358
<i>Хисамутдинова Р.Р.</i> Женские способности к аккультурации и адаптации в миграционных процессах в годы Великой Отечественной войны ..	362
<i>Жаркынбаева Р.С.</i> Гендерные аспекты эвакуации в Казахстан в 1941–1943 годах	365
<i>Кабирова А.Ш.</i> Женщины в условиях эвакуации в годы Великой Отечественной войны: особенности социальной и бытовой адаптации (на материалах Татарской АССР)	370
<i>Пивоварова Л.Н.</i> «Страна любимая не улыбается, едет в Германию наш эшелон» (из воспоминаний остарбайтеров).....	373
<i>Рождественская Е.Ю.</i> Женская память о войне: биографические траектории остарбайтерок	377
<i>Попов А.В.</i> Судьбы остарбайтеров и жизнь на принудительных работах в Германии: особенности женской повседневности	381
<i>Образцова Е.В.</i> Ресоциализация бывших работниц нацистского принудительного труда после возвращения в СССР	384